

-Н

ello, friends! I am Brian, — произнес Егор, выходя из машины, и с ужасом подумал, что сказал это не он. Так советский гражданин Егор Шишкин

вдруг превратился в британского подданного Брайена Джонса, которого в тот вечер с нетерпением и трепетом ожидали в пригороде Воронежа. Еще за минуту до этого Егор решительно отвергал возможность такой метаморфозы...

Брайен Джонс был студентом знаменитого Кембриджского университета, учился на факультете современных иностранных языков, специализируясь на испанском и русском. В те далекие доперестроечные годы он приехал в наш город на практику по программе обмена и поселился в одной из университетских общаг на улице Фридриха Энгельса.

Обо всем этом Егор узнал от своего друга Юрки Поварова, который случайно познакомился с Брайеном у киоска «Союзпечати».

Юрка был умельцем от бога, талантливейшим самоучкой. Жизнь его сложилась так, что он не учился в университетах, но умел и знал многое. За что ни брался, у него все получалось. В «железках» — был настоящим докой, мог отремонтировать любое авто, больше того — свое сделать!

Да что там авто! Вместе с братом они сконструировали и собрали легкомоторный самолет и «летали» на нем под Воронежем, пока их не приземлили «диспетчеры» из КГБ.

Юрка увлекался радиотехникой, электроникой, киносъемкой. Любовь к западной эстраде, которая переживала тогда свой золотой век, подвигла его выучиться играть на гитаре и органе, засесть за изучение английского языка, которым его обделили в школе. Он записался на языковые курсы, что размещались тогда в одноэтажном здании на улице Комиссаржевской, и, к удивлению Егора, стал быстро постигать азы английского разговорного.

В киоске на Главпочтамте Поваров покупал «Morning star» — единственно доступную в те времена в СССР газету на английском. Они разговорились, познакомились, выявив друг у друга большой интерес к языкам — чужим. В тот же день Юра затащил Брайена на курсы, чем привел в восторг свою преподавательницу Викторию Эдуардовну, которую слушатели за глаза дразнили «королевой Викторией». Она уговорила живого носителя языка Сомерсета Моэма и Агаты Кристи, любимых ее зарубежных писателей, поучаствовать в просвещении невежественных иностранцев, и с тех пор Брайен, еще неважно владеющий русским, стал частым гостем на курсах. Очень скоро его словарный запас обогатится множеством новых русских слов, среди которых часто употреблялись два: *vipivka* (drinking) и *vilazka* (picnic on the nature). Его общение с Юркой скоро выйдет за формальные рамки, больше того — за пределы Воронежа, который Брайену, как представителю капиталистического забугорья, без уведомления власти вообще-то было запрещено покидать.

Возможно, поэтому Джонс не пришел на курсы в тот самый день, когда Юрка договорился с ним об очередной загородной вылазке. В Дубовке англичанину был обещан пикник на природе с участием Юркиного товарища Василия, его подружки Аллы и ее знакомой Лены.

Василия близкие друзья называли Бэзиллом — на английский манер: за рыжий цвет волос и профессию гражданского моряка. Он побывал там, где еще не ступала нога обычного советского человека (а она тогда мало где ступала), одевался в «фирму», имел зарубежные цацки, занимался сверхмодными йогой и карате, считался продвинутым женихом, чуть ли не первым парнем на деревне. Многие подружки Аллы завидовали — уже была назначена ее с Бэзиллом свадьба.

Лена была моложе, имела «неслабых» родителей в Липецкой области и училась в Воронеже на скрипачку. К скорому браку подруги она относилась прохладно, жила музыкой, мечтая о карьере и славе.

Бэзил тогда захотел поразить невесту своими возможностями. Настоящий англичанин в качестве частного гостя — это была невиданная по тем временам роскошь общения. Шел 1983 год, по стране развитого социализма уже разгуливали многочисленные иностранцы, но не того «калибра» — из соцлагеря, Кубы или дружественных стран Азии и Африки. А вот с «фирменными» западноевропейцами в Советском Союзе, и уж точно в Воронеже, тогда была напряженка.

Согласие заморского гостя было получено. Юрка, конечно, сильно преувеличил роль своей личности в этой истории — каких «трудов» ему стоило «уговорить» Брайена. Благодарный Бэзил пообещал не скупиться, устроить британцу роскошный прием.

На загородный «банкет» Юра, не спрашивая Василия, позвал и Егора, который по характеру был общительным, не сказать, что весельчаком, но и человеком явно не скучным, склонным к эксцентрике и поиску приключений.

К тому же сам Егор считался «англосаксом»: английский язык в школе и универе был его любимым предметом, в овладении им он, можно сказать, преуспел.

Все зачеты и экзамены получал автоматом, занимаясь по индивидуальной программе. Пожилая преподавательница в нем души не чаяла, а в благодарность за это он иногда читал ей главы из «Камасутры».

Эта невиданная в пуританском Советском Союзе диковина какими-то окольными путями прибыла из забугорья и досталась Егору в пользование на короткое время. Но Егор, пообещав владельцу раритета перевести его на русский язык, продлил тем самым сроки «аренды» этой книги с каменными фигурами «влюбленных» на первой странице обложки...

Егор, как и многие его сверстники в конце 70-х — начале 80-х, был битломаном, горячим поклонником групп «Queen», «Deep purple», «Pink floid», «Smokie», переводил на русский язык тексты их самых популярных песен. Ну, и при обильной выпивке и в кругу самых близких друзей иногда исполнял «кое-что» под гитару.

Конечно, Юрка рассказал ему о Брайене, и Егор сразу же загорелся: познакомь! Юрка не возражал, но все как-то не складывалось, и вот нарисовалась Дубовка...

С Брайеном случился досадный облом, но отменить «пикник» уже не получалось — телефонной связи с Бэзиллом не было. И в Дубовку все же решили поехать. Вдвоем. Уж очень погожим выдался июньский денек, да и Егор в тот субботний вечер получил «вольную»: его подруга Марина уехала в Лиски проведать свою «маман». Таких совпадений ждать — не дождешься.

И когда только тронулись, Юрка вдруг предложил:

— Слышь, Егор, а не побыть ли тебе... Брайеном?

Шишкин понял, куда он клонит, и категорически замотал головой:

— Не, спалят за пять секунд, какой из меня англичанин... Позора не оберешься. Да и Вася твой — каратист...

Какое-то время друзья ехали молча. Потом Юрка снова активизировался:

— Егор, тебя эти люди не знают, одет ты прилично, неплохо «спикаешь». Да и некому тебя там разоблачать, все они английским владеют на уровне школы, и ты понимаешь, какой это уровень. К тому же Бэзил учил немецкий язык.

— А эта девчонка, скрипачка Лена? — начал было вестись Егор.

— Ну, какой у них в музыкалке английский? Там другой язык штудируют, язык нот...

— Мало ли... Нет, — Егор решил закрыть эту тему.

Юрка нервно курил, резко крутил баранку — ехать без Брайена ему не хотелось.

А Егор вспомнил о том, что лишь однажды ему довелось пообщаться с «живым» англичанином. Да и то — лучше бы этого раза не было, вспоминать стыдно.

...Шишкин учился тогда на последнем курсе университета и частенько заезжал в гости к афганцам в общагу, где жили иностранные студенты. Обычно он наведывался туда по делам «бизнеса». Впрочем, такого понятия (как и секса) в советской стране тогда еще не было. Егор подфарцовывал, и делал это не от хорошей жизни — стипендии хватало ровно на полмесяца, в семье работала одна мать. Афганские студенты везли в СССР хорошие индийские и турецкие батники, американские джинсы, свои доморощенные дубленки, а Егор брал их на реализацию под честное слово, продавал по родственникам, знакомым, знакомым знакомых и немного при этом наваривал. Бывало, что сделка выходила для него очень удачной, и тогда Егор «проставлялся».

В тот день с «гонорара» он «накрыл поляну» в комнате, где жил его товарищ и компаньон Рауф. С этим веселым и добродушным афганцем они провернули уже не одну сделку — он никогда не ломил с Егора цену. Когда веселье уже было в самом разгаре, к друзьям присоединился земляк Рауфа. Малик сообщил новость:

к нему в комнату временно подселили новенького, англичанина по имени Майкл, который утром приехал из Москвы!

— Давай, веди его сюда. Поглядим, какой это Майкл, — весело предложил уже порядком захмелевший Егор, добавив, что к ним залетела редкая заморская птица.

— Он не пойдет, — засомневался Малик, который очень хорошо говорил на английском и русском. — Его в Москве в посольстве свои инструкциями застращали.

— Скажи ему, что отказаться нельзя. Это типа такая традиция, — уперся Егор и попросил Рауфа поставить на уже грязный стол чистый стакан.

Через несколько минут в комнату заглянул высокий худощавый парень, робко спросив по-английски, может ли он зайти?

— Welcome, дорогой друг! — смешивая «наречия», неестественно громко закричал Егор, указав вошедшему на его место.

Симпатичный парень присел на краешек кровати Рауфа, прямо напротив Егора, смущенно озирался, изучая непривычную ему обстановку студенческой комнаты, где уже пару часов шла пьянка, а также — ее уже «подуставших» участников.

Под беглый взаимный осмотр и короткое знакомство уговорили парочку тостов. Очередь дошла до Шишкина...

И тут Юрка вернул Егора из недавнего прошлого:

— Егорий, ну, так что? Может, все же рискнешь? Скажем, что ты только что прибыл из туманного Альбиона и по-русски ни бельмеса не понимаешь. А я у тебя типа переводчиком буду. Я вроде бы уже наблатыкался...

Дружок притормозил на выезде из города и на всякий случай еще раз поинтересовался, глядя Егору прямо в глаза, словно гипнотизировал. Он, когда о чем-то его очень просил, всегда так смотрел и уважительно называл Егорием.

— Нет, я же сказал, — с досадой отмахнулся товарищ.

— Ну, ладно, как знаешь, — смирился, выдохнув, Юрка и с места рванул авто.

...Егор задумал жестко разыграть импортного новичка. Устроить ему, так сказать, «посвящение». Эта идиотская шутка тогда среди студенческой молодежи ходила. В ходе застолья выбираешь жертву среди новичков, берешь нож, даешь намеренной «жертве» потрогать лезвие и спрашиваешь: ну, как, острое? Острое, легкомысленно отвечает жертва. Потом берешь и этим самым ножичком, только тупой (незаметно переворачиваешь) его стороной, быстренько чикаешь «жертву» по горлу. У «потерпевшего» душа в пятки, а остальным, дуракам, — весело...

Все за столом уже знали этот прикол и отреагировали дежурно, а вот Майклу стало явно не по себе. Он страшно побледнел, сразу обмяк, тоскливо смотрел по сторонам, примериваясь глазами на выход. Майкл явно засобирился сразу же и свалить, но сделать это ему не дали. Все начали его подбадривать, бесцеремонно хлопая по плечам и спине, отчего он еще больше съежился, а стакан в его запотевшей руке дрожал.

— Ты крутой парень, брат! — пытался успокоить его и Егор. А «для полноты картины» плеснул потерпевшему «русскую» дозу водки:

— Welcome to the Soviet Union, Миша!

...Теперь, по дороге в Дубовку, Егор впервые реально представил, что могло бы случиться, если бы он тогда случайно попутал стороны лезвия. Он подумал о том, что по пьяни и дури легко мог загубить и свою жизнь. Теперь он ставил себя на место Майкла и хорошо понимал, что парень почувствовал в тот момент. Что он вообще подумал тогда о России, ведь это был первый день его пребывания на чужой земле, первые его впечатления, которые, как правило, наиболее сильные и живучие...

За окном авто уже величали пейзажи Борового, они ехали по извилистой поселковой улице, которая вела в край пионерлагерей и турбаз, разгоняли с дороги кур и гусей... Вслед им что-то кричали бабки, торговавшие на обочинах цветами и клубникой, но Егор по этому поводу не рефлексировал. Он ушел в себя, продолжая думать об инциденте с Майклом.

Егор не страдал ксенофобией, не считал себя фанатиком коммунизма, к Западу испытывал познавательный интерес, регулярно слушал просветительские «голо-са». В нем неестественным образом уживались почтение и к Ленину, и к Леннону: над рабочим столом в комнате у Егора висели портреты этих кумиров совсем разных эпох. Да и по натуре он не был жестоким, скорее, наоборот: в нем было больше от жертвы, чем от преступника.

Англичанин, как решил Егор, попал под его «разгоряченную» алкоголем руку потому, что и сам Егор в свое время также попался на эту злую шутку. И Майкл в тот момент, похоже, был единственным в той общаге, кто про нее ничего не знал.

Так Егор своей неуместной шуткой первым «посвятил» его в суровую советскую реальность, с ее живучими блатными традициями, оставшимися от тех времен, когда одна половина страны сидела, а другая — ее охраняла.

Больше они, слава богу, не виделись. Нет, Майкл остался в Воронеже, просто Егор перестал появляться в этой общаге, чтобы на выпускном курсе не попасть органам на крючок. С афганцами встречался в укромных уголках центра, там принимал товар и за него рассчитывался. А потом и вовсе завязал с фарцовкой: подоспели защита дипломной работы, военные сборы, распределение...

Неприятное «ретро-кино», казалось, закончилось, когда они подъехали к дому Василия. Однако, увидев «просветленные» лица встречающих, он сразу понял, что без Брайена их тут вовсе не ждали. Его — уж точно, и лучше было сразу уехать. А еще лучше — не приезжать сюда совсем, отдувался бы один Юрка.

Егор вышел из машины и быстро огляделся по сторонам. И тут внезапно очнувшийся в нем дух противоречия неожиданно выдал:

— Hello, friends! I am Brian.

Юрка уже было открыл рот, чтобы огорчить публику, но, услышав английскую речь, сразу отреагировал:

— Вот, привез, как обещал...

Представление началось...

Компания расположилась на укромной опушке в сосновом лесу. Там уже горел костерок, были приготовлены скатерть и заботливо разложены подстилки.

Юркин автомобиль поставили неподалеку, чтобы слушать хорошую музыку. Егор оказался между Аллой и Леной, Юрка сидел напротив, с ним нужен был визуальный контакт — он играл важную роль переводчика. Василий суетился вокруг костра и компании, наливал, предлагал тосты и разные угощения. Как и обещалось, «поляна» по тем временам была щедро накрыта. Жопчатая колбаса и рыба, клубника и фрукты, ну и конечно — шикарный шашлык из свинины, который Василий считал своим фирменным блюдом.

«Ша-щ-лик» и «клю-бника» — именно эти слова первыми «выучил» за столом Егор и, смешно коверкая, то и дело произносил их, потешая девочек. Впрочем, поначалу он больше помалкивал, коротко отвечая на редкие «разведывательные» вопросы Аллы и Лены: о семье, малой родине.

Сдержанность — это то, что ему сейчас нужно, думал про себя Егор. Он вспомнил, как настоящий англичанин Майкл скупой рассказывал о себе, буквально выдавливая из себя подробности биографии. Он не только был напуган неуместным розыгрышем, но был «just from the London».

Что мой родители? Папа — фермер, выращиваает овощи, мама — домохозяйка. Есть брат и сестра, они учатся в колледже. Семья живет в собственном доме, в Восточной Англии.

Есть ли наемные работники? Немного. Они — местные жители и всем довольны. Имеют приличный заработок, восьмичасовой рабочий день, оплачиваемый отпуск и медицинскую страховку. Да, еще: у них есть право на забастовку. Это право появилось в Англии еще в первой половине 19 века. Сейчас, правда, консерваторы во главе с Маргарет Тэтчер это право пытаются ограничить, но мой папа это не одобряет — он очень уважает незыблемые права человека. А в вашей стране у людей есть право на забастовку?

На этом встречном вопросе «буржуя» виртуальная экскурсия в его семью завершилась...

Егор действовал по той же схеме, частично используя «легенду Майкла», ведь о прототипе Брайена он мало что знал. Впрочем, девчонок про права трудящихся он предпочел не спрашивать. Он никак не мог вспомнить, как по-английски будет «трудящиеся». На ум все время приходило «labour class», но Егор понимал — в СССР рабочий класс и трудящиеся — не одно и то же. И Юрка наверняка бы ошибся, переводя эту фразу на русский.

«Переводчик» и так уже весь вспотел, ему уже давно было не до общего веселья. Особенно, когда Егора спросили о главных достопримечательностях Лондона. Это мудреное словечко Юрке еще надо было перевести, он мучительно искал эпитеты, потому что отродясь не знал, как по-английски будет достопримечательность.

Егор, конечно же, отлично понимал, что от него требуется, но вида не подавал и, пользуясь Юркиной заминкой, лихорадочно искал в своей в голове эти самые примечательности.

Первое, что и выдала память — знаменитый Тауэрский мост неподалеку от легендарной башни с часами Биг Бен. Они, без сомнения, были графическими символами английской столицы. Тут же и осенило: символы! Вот чем заменить трудное слово!

Егор сразу же «подсказал» по-английски:

— Вы спрашиваете меня о символах Лондона?

— Yes, — обрадовался Юрка, — about symbols!

Про Тауэрский мост через Темзу, с двумя высокими башнями в качестве опор, поведать оказалось несложно. Проблема возникла, когда очередь дошла до Биг Бена. Юрка никак не мог врубиться, что так называют часы — ему просто не хватило общего образования! Он несколько раз переспросил у Егора, пока тот скрытно для остальных не постучал пальцем по своим наручным часам. А постучав, спохватился: часы-то были советского производства, и у Брайена, который «just from...», их быть никак не могло.

Так проваливаются разведчики, подумал про себя Егор: на деталях. И при первой возможности быстро снял свой «Полет», доставшийся ему в наследство от дяди, незаметно спрятав часы в боковой карман джинсов...

Однако Егор все же попал в неловкое положение: любознательная Лена поинтересовалась, а ПОЧЕМУ лондонские часы именно так называются?

Теперь и Шишкин остро ощутил нехватку своего исторического образования и специальных познаний о туманном Альбионе. Пришлось выдумать историю про чувака, который очень долго обслуживал эти часы и чуть ли не помер на работе в своей «часовне». И что по жизни этот Бен был худым (slim) и невысоким (small), но все уважительно называли этого мастера Большим (big)...

Егор понял, что пора «спрыгивать» с высокой темы далеких достопримечательностей, и приземлил всех местным экспромтом:

— Место, где я жил с родителями, очень напоминает вашу Дубовку: там такие же чудесные сосны и свежий воздух...

Люди за столом искренне удивлялись: надо же, где эта Англия и где они, а сосны и воздух — такие же...

Пьянящий сосновый воздух и крепкий алкоголь все больше и больше давали о себе знать. Егор, хоть и оставлял каждый раз в стакане порцию горячительного (так поступал Майкл), мало-помалу раскрепостился, начав выдавать вещи, которые его «переводчику» оказались уже не по силам: Шишкин вспомнил о «Кама-сутре»...

Его дружок уже несколько раз запинаясь, краснел, переспрашивал, глядел умоляюще: заткнись, пожалуйста, сука. Хотя сам Юрка был ловелазом (это словечко в свое время придумал Егор), вел донжуанский список, который уже подходил к сотне «погубленных» душ, но советское воспитание все равно сказывалось. Он путался в «специальной» терминологии и не знал, как по-английски будет «покусывания», «поглаживания» и «почесывания». Приблизительно так назывались отдельные главки наставления по искусству любви...

Чтобы как-то перебить тему, Юрка сбежал к машине и поменял кассету, поставив сборник лучших вещей от битлов, и сразу же угодил на «Girl». Егор прекрасно знал слова этой знаменитой вещи в оригинале и неожиданно для себя (вот опять!) стал негромко подпевать Полу Маккартни:

— Is there anybody going to listen to my story, All about the girl who came to stay?..

Девушки за столом не только, похоже, впервые услышали историю о девочке, которая «навсегда поселилась в сердце», но и робко присоединились к Егору, пытаясь на слух угадать слова этой красивой песни. Это было непросто: качество магнитофонной записи никуда не годилось — Юрка делал сборник из разных левых источников...

«She's a kind of girl you want so much it makes you sorry, Still you don't regret a single day»... — в притихшем дубовском лесу пел Пол в сопровождении хора из нестройных голосов своего «земляка» и местных аборигенов.

Егор спьяну позабыл начальные слова второго куплета, но ведь и русские частенько в застольях путают и забывают слова своих популярных песен. Впрочем, это забвение никто, кроме самого Егора, и не заметил. Все дружно тянули:

— Ah, girl, girl, girl...

Следом за «Girl» Шишкин подхватил «Yesterday». Уже шел первый час ночи — вся честная компания незаметно для себя покинула субботу, переместившись в начало нового дня...

— Yesterday all my troubles seemed so far way, Now it looks as though they're here to stay. Oh, I believe in yesterday...

Оказалось, что «Вчера» знали все, особенно первую и последнюю строчки первого куплета.

«Хоровое пение» окончательно растопило настороженность в отношениях с чужеземцем. Если раньше девчонки стеснялись громко обсуждать Егора, только шутулись между собой — о его внешности, одежде и обуви, манере держаться и говорить, то теперь осмелели, окончательно поверив в то, что этот «симпатяга Брайен» ни бельмеса по-русски не понимает.

Егор первый раз в жизни попал в ситуацию, когда о нем открыто, не стесняясь, судачили, а он делал вид, что это к нему никакого отношения не имеет. Шишкин не мог им поведать, что «классные джинсы» он заработал рискованной фарцовкой, «прикольный пуловер» купил, выстояв очередь в магазине «Морава», а «шузы «Адидас» ему помогла достать соседка по лестничной клетке, работавшая заведу-

Ющей обувным отделом в универсаме на Пушкинской. Он «ни бельмеса не понимал» и впервые кайфовал от этого — приятно было, черт побери, слышать о себе «правду».

С некоторых пор особенный интерес к нему начала проявлять Алла, которая уже «забила» на своего жениха Василия. Алла строила ему глазки, томно вздыхала и постоянно вмешивалась в его диалог с Леной, которая для Брайена, вообще-то, была более перспективной, чтобы скоротать досуг. Василий из-за этого нервничал, но терпеливо помалкивал, видимо, уповая на то, что Алла сама вот-вот опомнится и возьмет себя в руки. Однако продолжающееся алкогольное возлияние этому не способствовало.

Поэтом Егор решил резко активизироваться в отношении Лены. Для начала он демонстративно повернулся к ее подруге боком, сосредоточившись на разговоре об искусстве, эстрадной музыке и битлах. Лена, кстати сказать, сносно понимала английскую речь, поэтому Егору удавалось общаться с ней почти без помощи Юры...

Когда друзья отлучились по малой нужде, Егор, пользуясь минутным «таймаутом», вышел из образа, обратив внимание «переводчика» на странное поведение подруги Василия:

— ...твою мать, еще не хватало, чтобы я стал причиной раздора между ними. Что, блин, делать-то будем?

Юрка только чесал свою репу, он явно ничего не хотел делать, ему просто нравились передышка и «позабывтый» русский мат.

— А фиг его знает, — философски изрек он и показал в сторону компании. — Гляди-ка, там, кажись, начались танцы.

...На каждый «медлячок» Брайен приглашал только Лену. Танцы под звездным небом в прохладную июньскую ночь очень сближают. Очередной «кам он дэнс» закружил их подальше от остальной публики, и яркий месяц, беспцеремонно подглядывавший за этой парочкой, наверняка заметил, что молодые люди уже целуются и что кавалер нагло пытается потрогать свою спутницу там, где мало-знакомую девушку трогать еще преждевременно.

Впрочем, Лена не потеряла голову от алкоголя и повышенного внимания иностранца, тактично, но решительно дав «Брайену» это понять. Да и до самого Егора уже дошло, что истинный англичанин, как джентльмен, лишнего в отношении дамы позволить бы себе не мог. И — укоротил руки...

Возвращаясь к костру, Егор еще издали увидел, что Василий что-то горячо выговаривает Алле, а та с понурым видом вяло возражает ему. Похоже, они говорили о нем...

Вечеринка приобретала скверный оборот, и Егор снова вызвал Юрку на разговор.

— Думаю, Василия надо ввести в курс дела, — осторожно начал Шишкин. — Посвятить его в нашу тайну. Так будет честнее перед ним. Иначе он почувствует себя потерпевшим, вдвойне одураченным простаком, и нам не поздоровится, когда он все узнает. А так... Мысль о том, что Алла легко повелась на наш прикол, наверняка станет для него небольшим утешением...

— Может, я все расскажу ему завтра? — предложил Юра, опасаясь непредсказуемой реакции Бэзила.

— Нет. Just now! Прямо сейчас, — решительно заявил Егор. — Давай его сюда! ...Василий с минуту недоверчиво рассматривал Егора, после того как Юрка объяснил ему, что почем и откуда, и зачем они придумали эту безобидную «joke». Бэзил явно испытывал шок и находился в нокдауне. Из коматозного состояния его вывел «пушкинский» монолог «Брайена», обильно снабженный матерными словами из великого и могучего языка. Его смысл, если вкратце, состоял в том,

что вся наша жизнь, как известно, — игра, без нее она — скука, но игрой сильно заморачиваться не стоит.

— Ну, извини, брат, так получилось, — подытожил Егор и зачем-то продублировал на английском:

— Sorry, take it easy...

Василий сделал вид, что и не принял все это близко к сердцу. И пообещал простить («ловко, вы, черти»), попросив лишь об одном одолжении: не колоться перед девчонками. Похоже, расчет Егора оказался верным: Бэзил явно желал насладиться сценой прощания самозванца с девушками, особенно — с Аллой, а уж потом — он этой «простушке» все объяснит...

А они и не собирались саморазоблачаться, друзьям хотелось лишь одного: быстрее смотаться домой. Уже светало, накатывались усталость и похмельный синдром. Поэтому расставание было недолгим. Выпив «на pososhok», Егор обнял всех по кругу (Василия с особенной теплотой) и, пожелав новым советским друзьям «good Luck», скрылся на спасительной территории, в Юркином автомобиле.

Ему показалось, что на глазах у девчонок сверкнули слезы. Они ведь наверняка были уверены, что с пришельцем из другого мира прощаются навсегда. По легенде, Брайен на днях должен был отбыть на свою далекую родину.

...В третьем часу ночи жителей одного из домов в микрорайоне ВАИ наверняка разбудил истерический хохот двух мужиков. Это наших авантюристов настиг отходняк, когда Юрка остановил машину. Пережившие сильный стресс, они лишь теперь поверили в то, что операция «Брайен в Дубовке» завершилась благополучно...

Хорошо выспаться Егору не удалось: его разбудил Юрий Антонов. Сосед из квартиры, что этажом выше, на всю мощь врубил свою магнитола. Егор посмотрел на часы: половина двенадцатого. Сосед имел полное право на «полноценный отдых» в выходной день. «Мечты сбываются и не сбываются», — надрывался популярный советский певец со своей новой пластинки. «У кого как, — подумал Егор и понял, что с мечтой еще покомарить сегодня придется проститься. А еще он вспомнил, что вчера позабыл купить хлеба, и мать наверняка за это спустит на него полкана.

...В гастрономе помимо хлеба он затарился еще и пивком, копченой ставридой, и домой возвращался уже не в столь подавленном состоянии духа. До оздоровления тела оставались сотня-другая шагов, но тут Егор заметил Юркину машину, которая стояла у его подъезда. Это был не очень приятный сюрприз — о встрече они не договаривались, продолжения банкета Егор не хотел и подумал, не свернуть ли куда-нибудь с пивком, пока его не заметили? Однако он опоздал.

Дружок его уже срисовал, выглядывал из авто, приветливо махая рукой. При этом Юрка загадочно улыбался, и от этой загадочности у Егора появились дурные предчувствия.

Предчувствия его не обманули: вслед за Юркой из автомобиля вышли ...Василий и Алла... «Yesterday all my troubles seemed so far way» сразу же пришло на ум. Алла упорно не хотела верить «байкам» Василия о том, кто на самом деле у них был в гостях. Завесу тайны Бэзил ей приоткрыл только под утро — после бурно проведенной ночи с подружкой. Жених тогда поразил Аллу своими выкрутасами: он «любил» ее с каким-то остервенением, «как врага народа».

Алла решила, что Бэзил ее просто приревновал и, наслушавшись «Камасутры», превзошел сам себя в приступе раненых чувств...

— Этого не может быть! — упиралась она даже после того, как Василий призывал в эксперты великого писателя Гоголя с его «Ревизором». — Это ты просто так хочешь мне досадить!

И тогда Василий предложил ей вместе съездить в Воронеж и посмотреть «на этого Брайена». Правда, он не знал, где обитал Егор, и был вынужден поднять по тревоге дремавшего Юрку...

Подруге, которая ночевала в доме у Аллы, решили пока ничего не говорить — до проведения очной ставки. Да и Лена всегда тяжело переживала похмельный синдром, и беспокоить ее в таком состоянии не решились.

...Егор подошел к ним, пытаясь держаться невозмутимо. Это было непросто: на нем болтались выдавшие виды «домашние» шорты и майка, а на руке внезапно потяжелевшим грузом висела сетка с буханкой хлеба, двумя пузырями «Жигулевского» и рыбой в оберточной бумаге. Именно эта нелепая советская сетка (пакетов тогда и в помине не было) должна была окончательно его дискредитировать в глазах изумленной девицы. И убить в ней «последнюю надежду» на чудо.

Это был настоящий провал «шпиона»!

— Hello, friends. Я — Егор, — легализовался Егор, стараясь не смотреть в глаза Алле. Затем бодро сунул руку Василию. И чтобы хоть как-то снять напряженность, с ходу предложил (хоть и очень этого не хотелось):

— Добро пожаловать теперь ко мне в гости! Посмотрите, как живут простые советские англичане...

Этот каламбур немного разрядил «международную обстановку». Для порядка Алла, конечно же, изобразила на лице подобие возмущения и даже легонько толкнула его в плечо:

— Ай-ай, нехорошо, молодой человек, так поступать с честными и доверчивыми советскими гражданками из провинции... — Но сразу и смягчила напор: — Ладно, у тебя не найдется что-нибудь выпить, а то башка просто трещит...

Примерно за час-полтора незваные гости уничтожили купленное Егором пиво, ставриду и хлеб. В ход пошла и бутылка вина, хотя выставлять ее особенно не хотелось. Марочный кагор «Чумай» Егор прикупил почти год назад в «Елисеевском», будучи проездом в Москве. Бутылочку Егор припас на день рождения Марины. Она очень любила это вино с неповторимым среди кагоров привкусом хорошего шоколада и знала про эту заначку. Как и о коробке дорогих конфет «Laima», которую также пришлось распечатать...

Василий в основном налегал на пиво, а винишком с конфетами «лечилась» Алла. Сам Егор выпивал понемногу — ему нельзя было сильно пьянеть: вечером из Лисок возвращалась Марина, и он обещал встретить ее на вокзале. Юрка совсем ничего не пил, он был мрачен и молчалив — на этот раз он «работал» шофером. Поваров снова и снова крутил на магнитофоне суперпопулярного тогда Ф.Р. Дэвида и его «Words don't come easy to me...», переживая свое недавнее ампула переводчика.

Порозовевшая от красного вина Алла скоро простила Егору все его прегрешения, по второму кругу смаковала подробности пикника и без удержу хохотала. Она с удивлением разглядывала висевшие рядом портреты Ленина и Леннона, скромную мебель в комнате у Егора, и «по ходу пьесы» уже несколько раз восклицала, обращаясь главным образом к Бэзилу:

— Вась, ну, как мы могли так купиться? И каков мошенник?..

Василий на это лишь загадочно ухмылялся. «Потерпевшим» он себя не считал...

Неделю спустя Егор все-таки познакомился с Брайеном и даже пригласил его к себе в гости. Юрка привез свой дорогуший импортный магнитофон с небольшими катушками и в перерывчиках между тостами «для истории» записывал разговор. Потом Брайен читал вслух отрывки из рассказа Джека Лондона «Love to life» на английском.

Брайен оказался не таким, каким его себе представлял Егор, совсем не похожим на него самого. Это был высокий молодой человек полноватого телосложения, с учтивыми манерами и типично британской сдержанностью. Он медленно говорил слегка хрипловатым голосом и производил впечатление невозмутимого парня. К удивлению «концессионеров», Брайен равнодушно отнесся к рассказу об их приключениях в Дубовке, тактично выказал желание познакомиться с Василием и Аллой, ну и много пил, вроде бы не пьянея.

Все шло тихо-мирно, пока Брайен не увидел обычного комнатного паука, который давно прописался у Егора и выполз посмотреть на заморское чудо. С диким криком «spider, spider!» англичанин чуть не выпрыгнул из окна на втором этаже и сразу же резко засобирался домой...

Потом Юрка скажет, что и раньше замечал за ним определенные странности. По его мнению, Брайен неадекватно реагировал на представительниц слабого пола, его больше интересовало общество их кавалеров. Впрочем, в одну из дамочек из Отрожки он, похоже, влюбился. Звали ее Александра, но все предпочитали называть ее Шуриком. Многие вообще считали ее своим парнем: Шурик красилась по минимуму, имела короткую стрижку и носила исключительно джинсы и брюки.

— I love Shurika from Otrozhka, — мечтательно зажмурив глаза, говорил Брайен, чем очень сильно раздражал Юрку, потому что Александра, случайно оказавшаяся на очередной вылазке с Брайеном, Поварову категорически не понравилась — как и он ей. Однако только ее Брайен попросил о новом свидании, причем — без «свидетелей»...

На одной из прощальных вечеринок Юрка с Брайеном разругаются в пух и прах. Иностранец пообещает угостить всех хорошим вином, а выставит «на поляну» «огнетушители» с «Агдамом» и «Абрикосовым ароматом», чем неприятно поразит не только своего друга, но и приглашенную Юркой компанию «приличных людей». А потом, надравшись chervivki, решительно потребует доставить его к Шурику из Отрожки, хотя вокруг было несколько миловидных и отзывчивых дам. Разразится скандал, и вечер тогда не задастся.

...Через несколько дней Брайен уедет в свою Англию, и провожать его придет только Виктория Эдуардовна, преподавательница с курсов английского языка — она, по слухам, была тайно влюблена в Брайена. А вот Шурику, которую он очень ждал, у поезда так и не появилась: она украдкой наблюдала за Брайеном из-за ограды вокзала и мужественно сдерживала слезы. Плакала ее душа...

По окончании университета Брайен уедет в Венесуэлу преподавать английский язык в средней школе. Он пришлет оттуда парочку теплых писем Виктории Эдуардовне, в одном из которых попросит передать большой привет Shuriku from Otrozhka. Но «королева Виктория» не выполнит его просьбу — она не знала такого человека, а Юрка с курсами тогда уже завязал.

Василий скоро женится, но — не на Алле, а на ее лучшей подруге Зинаиде, которая давно имела на него виды. С мореплаванием он покончит, став тренером по дзюдо.

Лена, завершив учебу в Институте искусств, будет принята в один очень известный оркестр. На гастролях в Дании она познакомится с иностранцем из Нидерландов и выйдет за него замуж.

А Майкл уже в наше время снова вернется в Россию и возглавит в Москве одну из известных гуманитарных миссий.

Егор на одном из новостных сайтов случайно наткнется на интервью, в котором Майкл вспомнит о времени, проведенном им в Воронеже. «Советский Союз был для нас закрытым миром, неизвестным абсолютно. И наоборот — все мы были жертвами нашей пропаганды. Тот Воронеж, в котором я жил, никак не соответ-

ствовав моему представлению о нем. Я понял, что все зависит от людей, — говорил Майкл. — Мне было очень неприятно, когда ко мне относились как к представителю западного мира, члену НАТО, официальной Великобритании. Однажды мое терпение лопнуло, и я сказал соседу по комнате: «Я никого, я ничего не представляю, кроме самого себя». Это был переломный момент. После него ко мне стали относиться нормально».

Корреспондент спросила: «Когда в начале 1980-х вы ехали в Воронеж, вы знали, что это место ссылки Мандельштама? «Пусти меня, отдай меня, Воронеж: / Уронишь ты меня иль проворонишь, / Ты выронишь меня или вернешь, — / Воронеж — блажь»...»

«Воронеж — ворон, нож... Да!» — сразу подхватил Майкл. Он был уверен в том, что улица, где он жил в нашем городе, уже давно носит имя ссыльного поэта.

«Интересно, — подумал Егор, — вспомнил ли Майкл в этот момент об инциденте «в общежитии на улице Мандельштама»?»

